

Скаффолдинг является тем педагогическим инструментом, который помогает повысить мотивацию, раскрыть самостоятельность учащихся, снизить уровень стресса в течение выполнения задания, а также совершенствовать коммуникативные навыки и умения.

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 264–269.
2. Гречина, В.Н. Применение стратегии скаффолдинга в обучении профессиональному иностранному языку / В.Н. Гречина // Педагогические чтения имени А.А. Куманева: Повышение профессиональной компетентности педагогических работников: вызовы, задачи, перспективные решения. Лукоянов: изд-во Лукояновский педагогический колледж им. А.М. Горького. – 2018. – С. 56–59.
3. Никитина, Г.А. Интерактивность в обучении иностранным языкам как фактор обеспечения продуктивности образовательного процесса / Г.А. Никитина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации Материалы докладов VII Международной конференции. – 2015. – С. 298–304.
4. Степанова, А.С. Скаффолдинг в обучении иностранному языку: опыт систематизации понятия / А.С. Степанова // Педагогические и психологические науки: современные проблемы и тенденции развития: Сборник научных трудов. – Краснодар, Априори. – 2018. – С. 13–17.
5. Hammond, J. Putting scaffolding to work: The contribution of scaffolding in articulating ESL education / J. Hammond, P. Gibbons // Prospect. – 2005. – Vol. 20. – No. 1. – P. 6–30.
6. Meyer, O. Towards quality CLIL: Successful planning and teaching strategies / O. Meyer // Pulso: revista de educación. – 2010. – №33. – P. 11–29.
7. Pawan, F. Content-area teachers and scaffolded instruction for English language learners / F.Pawan // Teaching and Teacher Education. – 2008. – №24. – P. 1450–1462.
8. Teaching languages with film – some key approaches [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.futurelearn.com/courses/short-film-language-teaching/3/steps/339066>. – Date of access: 10.08.2022.
9. Teaching methodology: Instructional scaffolding [Electronic resource]. – Mode of access: <https://englishpost.org/instructional-scaffolding/>. – Date of access: 12.08.2022.

Дата поступления в редакцию: 14.10.2024

УДК 821.161.3.09

ОНОМАСТИКОН ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА Д. СИМАНОВИЧА КАК КОМПОНЕНТА КУЛЬТУРНОГО КОДА

Деревяго Анна Николаевна

Аннотация. Статья посвящена вопросам специфики формирования ономастикона художественного текста как компоненты культурного кода, представленности широкого спектра образов и реалий культуры посредством имен собственных разных семантических типов, направлений и характера приращения семантики онимов внутритекстового пространства за счет конвергенции онимических и аппеллятивных единиц узких и расширенных контекстов. Материалом исследования выступили поэтические произведения Д. Симановича – избранная лирика 1946–2006 гг.

Ключевые слова: ономастикон, поэтический текст, культурный код, лингвокультурный потенциал, внутренняя форма, приращение семантики, коммуникация, текстуальные предписания.

Abstract. The article is devoted to the issues of the specifics of the formation of the onomasticon of a literary text as a component of the cultural code, the representation of a wide range of images and cultural realities through proper names of different semantic types, directions and the nature of the increment of the semantics of onyms in the intra-textual space due to the convergence of onymic and appellative units of narrow and expanded contexts. The research material was the poetic text of D. Simanovich – selected lyrics of 1946–2006.

Key words: onomasticon, poetic text, cultural code, linguistic and cultural potential, internal form, increment of semantics, communication, textual prescriptions.

Текст, созданный автором из языковых средств, тщательно отобранных из множества существующих для воплощения конкретных, лично значимых смыслов и образов, является безусловным фактом культуры, которая в свою очередь трактуется как совокупность адресных текстов. Выступая культурным

феноменом, текст становится ключевым объектом интереса разных научных дисциплин, при этом в лингвистике его феноменология раскрывается с особой скрупулезностью: как последовательность языковых знаков, текст проявляет свойства мегаобъекта, так как поступательно формируется единицами всех уровней

языковой структуры, находящимися в соответствии с законами иерархии языковых единиц в подчиненной позиции.

Культурно валентный текст по определению формируется в системе отношений своего создателя и реципиента текста, объединенных культурным пространством, в рамках которого автор создал текст как семантико-эстетический объект, а читатель или слушатель его воспринял и интерпретировал. Семантически приращенная интерпретация становится фактом социокультурного существования личности. Так что «художественные тесты, и прежде всего литературные, представляют собой значительную часть общекультурного наследия ... законы построения художественных текстов в значительной мере суть законы построения культуры как целого» [6].

Из всех уровней языковой структуры максимальным лингвокультурным потенциалом обладает уровень лексический, вербализующий понятия как концентрат знаний познающего субъекта об окружающей его действительности. Особым конструктом лексического уровня языка и соответственно художественного текста можно по праву назвать имена собственные, притом что реально существующая ономастика как совокупность всех имен собственных отличается от ономастики, функционирующей в рамках текстов художественной литературы, так как онимическая лексика в художественном тексте выступает в «актуализированном виде с эстетической гиперфункцией, которая проявляется как характерологическая, коммуникативно-номинативная, темпоральная, локальная, идеологическая, культурно-историческая в разных жанрах художественных произведений» [7, с. 24].

Отличие реальных имен собственных от онимов художественного текста в области семантики и состава функций обусловлено спецификой среды художественного текста сложной организации с заданной структурой и с определенным статусом каждой единицы, в нее входящей. Концепция текста как эстетической системы была разработана в русском литературоведении М.М. Бахтиным. Центр концепции взгляд на художника как на человека, которому в своем творчестве приходится занимать определенную эстетическую позицию по отношению к внеэстетической действительности. Художественное произведение в целом и в частности не должно пониматься только с точки зрения отвлеченных литературных закономерностей, но должно учитывать также полноту действительности, отраженной в произведении: «В произведении как бы две власти и два определяемых этими властями правопорядка: каждый момент должен быть определен в двух ценностных системах содержания и формы; ... эстетическая форма со всех сторон объемлет возможную внутреннюю закономерность поступка...» [1, с. 36].

В качестве базовой предпосылки оригинальности семантической и функциональной валентности онимов в художественном тексте была выдвинута логика процесса эволюционного развития имен собственных, базирующегося на противоречивости сосуще-

ствования конкретики объекта и абстракции общекатегориального значения, аккумулированная в работах Э.Б. Магазаника. Автор высказывает мысль о том, что «имена собственные весьма часто связываются в нашем сознании с известными предметными значениями, имеющими максимально конкретный характер ... и в то же время, надо сказать, имя конкретного объекта все же не отождествляется полностью с самим этим объектом, ... иначе говоря, нам всегда напоминает о себе и абстрактная природа имени собственного» [4, с. 18].

В ситуации уплотненных потоков прагматически фрагментированной информации и визуализированных маркетинговых текстов с четкой таргетизацией и обезличенностью автора актуальным вновь становится внимание к художественным текстам с их наиболее семантизированной компонентой – именами собственными.

Материалом исследования выступают поэтические произведения Д. Симановича – избранная лирика 1946–2006 гг., включенная в сборник «Радость молнии». Объект рассмотрения – ономастикон поэтического текста.

Внешняя структура развертывания текста не совпадает с внутренней: объем знаковых единиц значительно уступает объему значения, который ими выражается. Степень соответствия структурной и смысловой сторон определяется размером прагматической информации. Мера прагматической информации составляющей формируется с учетом типа текста, его предназначения и прогнозируемого адресата. Учет этих условий существования текста применительно к его художественной разновидности позволяет рассматривать онимический конструкт в качестве одного из значимых элементов организации глубинной, смысловой стороны текста. Оним способен совмещать в себе ряд важнейших информационных планов энциклопедического, стилистического, эмоционального, экспрессивного, социального характера, что активно включаются в систему социальных норм и литературных аллюзий невербализованного слоя текстовой информации. Результатом установления баланса между внешней и внутренней формами художественного текста становится информационная насыщенность текстового пространства. Определение степени информативности текста как его основного качества полностью зависит от потенциального читателя.

Ономастикон исследуемого поэтического текста Д. Симановича многокомпонентен и сформирован такими семантическими типами онимов, как антропонимы – *Пушкин, Шагал, Быков, Окуджава, Ахматова, Модильяни, Короткевич* и др., мифонимы – мифоантропонимы *Давид, Голиаф, Вирсавия* и др., топонимы – астионимы *Минск, Бобруйск, Хайда, Иерусалим, Москва, Витебск, Париж, Ашкелон* и др., административные хоронимы – *Германия, Беларусь*, годонимы – *Покровская, Большая Покровская*, урбанонимы – *Витебский вокзал, Пушкинский мост, Нотр-Дам*, гидронимы – потамонимы *Двина, Припять, Лана, Сена*, пелагонимы

Средиземноморье, Аральское море, библионимы – *Библия, Тора* и др.

Антропонимная сфера текста как совокупность имен собственных, которые являются именованиями человека, а также объектов, волей авторского замысла или требований контекста наделенных человеческими качествами, представляет собой ономастический универсум во многом благодаря актуализации и сочетанию всех компонентов семантики при базовом денотате «именование человека, а также объекта, наделенного человеческими качествами». Спецификой текста Д. Симановича является минимальное использование единиц как именований ирреальных лирических героев: образ лирического героя зачастую совпадает с образом автора; единичные именования представляют сферу именований женских персонажей, из которых *Ева* – нейтральное ядро микросистемы, представленное структурной моделью «личное имя в полной форме» с денотатом «женщина, неславянка» и прагматическим компонентом «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых знают», *Эви* – элемент, представленный структурной моделью «личное имя в гипокористической форме» с денотатом «женщина, неславянка» и прагматическим компонентом «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых знают хорошо», *Маша* – элемент, представленный структурной моделью «личное имя в гипокористической форме» с денотатом «женщина, славянка» и прагматическим компонентом «обращаюсь к тебе так, как к тем, кого хорошо знают».

Доминирующее положение в антропонимике поэтического текста Д. Симановича занимают прецедентные онимические единицы – именования, которые фокусируют в поэтическом мире спектр разного рода преобразований и инноваций в области культуры, искусства, политической деятельности, науки. Обобщенное представление о том инновационном вкладе, которое в сознании носителя языка неразрывно связывается с именем активной персоны, составляет исходный элемент прагматического компонента семантики прецедентного онима. Центральное место в прецедентном антропонимике занимают родовые имена (фамилии) людей, чьи творческие достижения определяются соотносительностью с областью словесного (поэтического и прозаического) искусства. Лексический и ассоциативный фон таких онимических единиц настолько продуктивен, что позволяет автору использовать их в качестве именований лирических персонажей без дополнительных комментариев – *Пушкин, Быков, Симонов, Короткевич, Бродский, Тютчев, Фет, Ахматова, Окуджава, Пастернак, Золя* и др.

Частотными в исследуемом тексте являются прецедентные антропонимы, представляющие сферу изобразительного искусства – *Шагал, Модильяни, Пэн, Дюрер, Капелан*.

Принадлежностью денотатов именований к другим областям культуры выделяется следующая группа онимов – сфера философии *Кант, Спиноза*, музыкального искусства *Моцарт*.

Внутренняя форма поэтического текста формируется широким спектром семантических отражений словесных знаков. Все многообразие отношений, впечатлений и наблюдений автор вмещает в этот знак, однако одной только знаковой функцией оно не исчерпывается: на первый план выступает отражение смысла. Феномен создания поэтического произведения заключен в специфике процесса организации разрозненных смыслов в один целостный, когда «возникнув в мыслящем и говорящем сознании поэта, он (смысл) требует выражения, а предметная сторона его требует изображения; ... включенного в выражение, не изображения значений, то есть предметов, а смысла, включающего их в себя» [2, с. 413].

Ключевым образом славянского культурного кода, воплощенного в тексте Д. Симановича, выступает *Пушкин*. Наиболее частотен антропоним, представленный одночленной структурной моделью «фамилия», однако автор для именования использует и двучленную модель «личное имя + патроним» *Александр Сергеевич*. Выбор такого варианта именования зависит от коммуникативных задач, с которыми связывается его реализация применительно к сходной ситуации реального общения (система именований создается автором по образцам реальной номинации): использованный в вокативе, антропоним проецирует ситуацию близкого взаимодействия субъектов, «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают и к которым хорошо относятся»: «... *Александр Сергеевич! За годом год, / даже когда в селе Горюхине недород, / еврейский вклад в мировую культуру / мудрый возница через века везет*» [5, с. 8].

Ситуацию близкого взаимодействия субъектов, «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых очень хорошо знают и к которым хорошо относятся», в контексте представляет также употребление вариантов именования *Владимир, Василь, Рыгор* для создания образов В. Быкова, В. Короткевича, Р. Бородулина, а также онима *Лев Николаич*, в прагматике которого сочетаются как приятие признака социального статуса русского писателя Л.Н. Толстого, так и субъективное отношение, характерное для ситуации коммуникации «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают и к которым испытывают добрые чувства»: «*И, к одной из красавиц судьбой прикасаясь, / я взлечу над землей, ночь любви окрылив. / Как говаривал часто Лев Николаич, «е.б.ж.», мой друг: если буду жив*» [5, с. 28].

Антропоним *Пушкин* становится основой перифразы – *городом Пушкина* поэт называет Витебск: «*И на грешной земле я уже никогда / не встречу ту женщину средь весеннего бала, / с которой была нам беда не беда / в городе древнем Пушкина и Шагала*» [5, с. 12].

Смысловым стержнем хронима *Пушкинская эпоха* является отантропонимный адъектив, прагмакомпонент семантики которого детерминирован мотивирующим антропонимом: в контекст хроним *Пушкинская эпоха* привносит смысловые блоки «золотой век литературы», «обманчивая простота», «новая русская литература», «новация реализма». Стихот-

ворный текст адресуется Сергею Рублевскому, витебскому писателю, которому лирический герой отдает «перо из Пушкинской эпохи»: *«Бери свое в дорогу, / на нем – звезды тавро, / из Пушкинской эпохи / заветное перо»* [5, с. 30].

Урбаноним *Пушкинский мост* выступает компонентом частной поэтонимной подсистемы, представленной онимическими единицами *Витебск, Двина, церковь Благовещенья, Пушкинский мост* [5, с. 142]. Доминантой этой подсистемы является астионим *Витебск*: занимая в тексте сильную позицию начала поэтического текста, он через прагмакомпонент семантики транслирует многокомпонентную энциклопедическую информацию, поддерживаемую и усиленную семантикой апеллятивных единиц узких контекстов о древнем городе (старый и новый квартал: *«И даль любая – это тоже близь / от старого до нового квартала»*, камни прошлого, память столетий: *«И камни прошлого покрыла мгла, / где церковь Благовещенья была. / А мы не сберегли столетий память»*), расположенности на Западной Двине (*«...Двину перехожу, как бы между, что на две части город разделяла»*). Образ моста как символа связан с идеей перехода между мирами; *Пушкинский мост* Д. Симановича объединяет не только миры (берега, образ радуги), но и времена (Пушкин – современность) под знаком любви. Прагмакомпонент урбанонима *Пушкинский мост*, содержащий информационный блок о функции сохранения любви в браке и традиции новобрачных Витебска вешать на мост замки как залог долгой и счастливой семейной жизни, усиливается апеллятивными единицами соответствующей тематики: *«И сразу, как из вечера в зарю, / любимая, тебе я позвоню, / скажу: «Давай мы все обиды бросим... / Под радугой последнюю в году / на Пушкинском мосту тебя я жду – да осенит нас витебская осень!»* [5, с. 142].

Сочетание в семантике онимической единицы трех базисных компонентов при одновременном доминировании исходного обширного прагматического семантического сектора вне зависимости от его контекстуального приращения обеспечивает определенную часть антропонимных единиц статус ономастического кода. Семантическая горизонталь антропонимного поля предполагает наличие связей и каналов взаимодействия антропонимного кода с системой иных кодов трансляции культуры. Кроме антропонима *Пушкин* сходным внутритекстовым статусом в семантической горизонтали поэтического текста Д. Симановича обладают прецедентные единицы *Шагал* и *Короткевич*.

Ономастическая страта текста Д. Симановича изобилует единицами, представляющими в контексте актуальные или исторические образы и реалии еврейской культуры. Так, неоднократно в тексте используется двучленная подсистема в функциональной роли ономастического фона, которая формируется онимами *Давид – Голиаф*, и семантика, продуцируемая прагмакомпонентами этих онимических единиц, константна: история из текста Библии о сражении филистимлянского великана Голиафа и юного героя Да-

вида, который был слабее противника и потерпел бы поражение, если бы боролся на равных, однако сумел сразить Голиафа камнем из своей пращи, и иносказательное осмысление как оценка противников, разительно отличающихся и физическими, и моральными качествами. В заочном диалоге с А. Пушкиным, который в эпиграмме написал *«Певец Давид был ростом мал, / Но повалил же Голиафа...»*, Д. Симанович создает контекст: *«На библейской земле, что полита / морем крови в борьбе за счастье, / еще долго придется Давиду / с Голиафом сражаться...»* [5, с. 6].

Аксиология культуры еврейского народа воплощена в тексте посредством введения в его ткань в качестве элементов антропонимов *Рабин, Бен-Гурион, Хацкель, Фейга, Саул, Давид, Соломон, Яков, Моисей*, топонимов *Ашкелон, Израиль, Голгофа*, урбанонима *Стена плача*, экклезионима *Гроб Господен*, библионимов *Библия, Тора* и др.

Второй по частотности и разнонаправленности приращения семантики ономастической единицей, обладающей статусом прецедентности из-за широкой известности, безусловной признанности в мировом культурном пространстве денотата именованного, является антропоним *Шагал*. Позиция регулярного знака текстового пространства, созданного Д. Симановичем, актуализирует в тексте две тематические скрепы – феномен творчества художника М.Шагала и неразрывность духовной связи художника с Витебском.

Решение первой тематической скрепы связано с определением доминантной палитры художника (*«васильковое цветенье Шагала»*), глубокой философичности творчества, для чего в контекст вводится антропоним Спиноза (*«Потомки увидят вдруг, / как свет поэзии в прозе, / в Шагале – Спинозы дух, Шагаловский дух – в Спинозе»*, *«... Спиноза шлифует слова. / Шагал оживляет краски»*) [5, с. 110].

Мировая значимость гения М. Шагала, уникальность творчества мотивирует появление в тексте Д. Симановича антропонимов *Юрий Пэн, Малевич, Дюрер, Кранах, Модильяни, Писсаро*, денотаты именованного которых объединяются сферой изобразительного искусства. В рамках этой тематической модуляции отмечаются контексты, в которых в прагмакомпоненте семантики антропонима Шагал актуализируется блок о художнике как хранителе истории еврейского народа, запечатленной в полотнах: *«И кто-то: «Слава Богу, дышит ...» / сказал и дал голоток воды... / Картину страшную беды / какой еще Шагал напишет?»* [5, с. 123].

Тематическая скрепа неразрывности духовной связи М. Шагала с Витебском воплощается и в соположенности в узких контекстах антропонима *Шагал* и астионима *Витебск*, и в создании нескольких частных поэтонимных подсистем с антропонимной доминантой. Исходящие от центрального элемента подсистемы смысловые иррадиации затрагивают все уровни семантики поэтонимов, однако в большей мере сферу прагмакомпонента онимических единиц конструкторов частных поэтонимных подсистем. При этом семантические векторы, исходя от доминанты, к ней воз-

вращаются всем обретенным спектром созначений и ассоциативных сем и, в свою очередь, усложняют и ее значение. Так, в тексте стихотворения, озаглавленного «1989», функционирует такая подсистема, доминантой которой выступает антропоним *Шагал*. Позиция начала стихотворного текста закрепляет за ним функцию текстовой вехи, задающей основной тематический тон, личность художника. Ядро этой системы оформляют входящие в околоядерное пространство антропонимы *Белла, Марк Захарович*; годним *Большая Покровская*, потамоним *Двина* создают ономастический фон. Прагмакомпоненты всех единиц этой системы объединены общей семой связанности с судьбой художника в период жизни в Витебске. При этом в тексте автор строфически последней при именовании центрального образа использует двучленную модель «личное имя + отчество», тем самым моделируя ситуацию доверительного, близкого общения «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают и к которым хорошо относятся»: «*Наяву, как во сне, летят / над Двиной и ратушей старую. / Я кричу через рай, через ад: / С возвращеньем, Марк Захарович!*» [5, с. 124].

Образ Шагала как части концептуального пространства Витебска наиболее последовательно прослеживается в поликомпонентном ономастическом фоне, конструктами которого выступили онимы *Витебск – Репин – Пэн – Шагал – Замковая – Малевич – УНОВИС*. Кроме единиц *Витебск, Замковая, УНОВИС*, денотативный компонент семантики конструктов фона объединяет сема живописного творчества и преемственности поколений. Аппелятивные единицы контекстов акцентируют внимание читателя на знаковых мотивах, сюжетах и образах каждого из именованных живописцев: осенний букет – «Осенний букет», портрет старшей дочери И.Репина Веры Ильиничны Репиной, написанный художником в 1892 г. в имени Здравнёво; квадрат «Черный супрематический квадрат» К. Малевича, одно из самых загадочных произведений XX века, радикально перевернувшее прежние представления об искусстве, полет в небе «Над городом», одна из самых знаменитых картин М. Шагала, на которой художник изобразил все самое важное в жизни на тот момент: себя, любимую жену Беллу и Витебск: «*Я – Из Витебска, где Шагал / прямо с Замковой в небо взлетал, / зацепился за облака / и остался тут на века*» [5, с. 132].

Образ В. Короткевича по частотности употребления и семантической валентности соответствующих именовании в условиях узкого и расширенного контекстов можно назвать ключевым в презентации белорусского культурного кода в поэтическом тексте Д. Симановича. Использование антропонима в разных структурных вариантах демонстрирует различные виды приращения семантики онима. Прецедентный образ представляют такие варианты именовании, как *Короткевич – Владимир Короткевич – Владимир Семенович – Владимир*. В соответствии с практикой текстового употребления и славянской традицией именовании в первую очередь по имени рода, фами-

лии, ключевым вариантом, обладающим исходным обширным прагмакомпонентом семантики, обеспечивающим ониму статус прецедентного именовании, является антропонимная единица *Короткевич*: прецедентность образа, представленного онимом, базируется на смысловых блоках о характере творчества белорусского литератора, сохранявшего память поколений, знавшего цену единству, запечатлевшего историческое прошлое Беларуси: «*Ты, в Орше рожденный, учившийся в Киеве, / любивший московские будни шумливые, / друживший с евреями, и со мной, / друзьям говорил, что и в счастье, и в горе мы / с народами нашими вместе всегда, / а сила истории, правда истории / не дистиллированная вода...*» [5, с. 93]. Вариант именовании *Владимир Короткевич* используется автором для описания ситуации дистанцированного взаимодействия в сфере объективных официальных межличностных отношений, «обращаюсь к Вам так, как обращаются к людям, которых знают недостаточно хорошо и к которым хорошо относятся»: посвящение стихотворного текста «1993» Владимиру Короткевичу; вариант *Владимир Семенович* – для проецирования ситуации доверительного общения «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают и к которым хорошо относятся»: «*Опять на планете ночами бессонными / страдаешь людские, пожары и дым ... / Давай, как когда-то, Владимир Семенович, / с тобой о жизни поговорим*» [5, с. 93]. *Владимир* – для представления ситуации дистанцированного взаимодействия «обращаюсь к Вам так, как обращаются к людям, которых знают достаточно хорошо и к которым хорошо относятся»: «*Музам некоего уже накоротке венчать / славою и приветственными кликами ... / Стало грустно на земле без Короткевича. / Стало сиротливо на земле без Быкова... / Как ты будешь, Беларусь родимая, / жить без Василя и без Владимира? / Верю: в двадцать первое столетие / перейдет их вечное наследие*» [5, с. 24].

Имена собственные реального пространства или идеального пространства художественного текста являются триггерами перцепции культурной информации, сконцентрированной в их семантике. Автономная реальность художественного текста является ретранслятором системы социокультурных норм и литературных аллюзий. Оним становится одним из ведущих элементов системы прогнозирующих текстуальных предписаний, определяющих интенсивность и продуктивность коммуникации в системе *автор – текст – реципиент*. Если текст есть факт культуры, то его онимические компоненты ретрансляторы культурных кодов в среду художественного текста. Ономастикон поэтического текста Д. Симановича как компонента культурного кода проецирует на поэтический текст информационные планы энциклопедического, социального характера, представляя образы и реалии культуры русского, белорусского, еврейского народов.

Список литературы

1. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики /

- М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Вейдле, В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства / В. Вейдле. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.
3. Карасик, В.И. Мост как лингвокультурный символ / В.И. Карасик, М.С. Милованова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/most-kak-lingvokulturnyy-simvol>. – Дата доступа: 15.11.2024.
4. Магазаник, Э.Б. Ономапозэтика, или «говорящие» имена в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
5. Симанович, Д. Радость молнии: Избранная лирика шестидесятилетия, 1946–2006 / Д. Симанович. – Минск: Медисонт, 2007. – 320 с.
6. Фазылзянова, Г.И. Текст как культурный феномен / Г.И. Фазылзянова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-kulturnyy-fenomen/viewer>. – Дата доступа: 10.11.2024.
7. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 104 с.

Дата поступления в редакцию: 24.11.2024